

П-СТЭПИДЕМИЯ

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС



ВИЗИТ

ЮРИЙ БУРНОСОВ

Юрий Николаевич Бурносов
Визит
Серия «Постэпидемия»

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

2024 год. Журналист итальянской газеты La Stampa прилетает в Москву, чтобы написать статью о столице России, окончательно оправившейся после пандемии. Но никто не знает, что у журналиста совсем иные цели...

Юрий Бурносов

Визит

Вертолёт описал петлю вокруг небоскрёбов делового центра «Москва-Сити».

– Вот эта башня горела, я знаю, – сказал Джанлуиджи, показывая на самую высокую.

– Так точно, «Федерация», – кивнул Рославлев. – Я тут недалеко живу... жил, на Филях. Народ на улицы вывалил, смотрел. Ночью, красиво горело.

– Погибших было много?

– Ни одного, – улыбнулся Рославлев. – Даже не пострадал никто.

Джанлуиджи с недоверием покосился на уплывающую влево и назад башню.

– А почему мы летим именно на вертолёте? А, я понимаю... Траффик?

– Разве это траффик... – махнул рукой Рославлев.

Пилот снизил «робинсон» и повёл его над широкой улицей в несколько полос. Автомобилей и в самом деле было мало, зато в большом количестве ползли синие автобусы, похожие с высоты на жуков-бронзовок.

– Вот раньше был траффик, – продолжал Рославлев. – Я как-то друга в Питер провожал, на «сапсан», а потом по делам поехал в Домодедово. Так он в Питер уже прикатил, а я

ещё в пробках стоял.

– А почему сейчас так?

– Всё по той же причине, синьор Бернарделли. После того, как пришлось вынужденно поставить личный транспорт на прикол, народ постепенно начал понимать, что пользовался им без особенной нужды. Вы не смотрели советский фильм «Бриллиантовая рука»?

– Нет, – покачал головой итальянец.

– Там была хорошая шутка – «Наши люди в булочную на такси не ездят». А у нас ездили, и на личном транспорте тоже. Опять же до нелепостей – бывало, на метро или МЦК – это кольцевая железная дорога, если вы не в курсе, тоже фактически часть метрополитена – добираться минут двадцать, но нет, человек едет на машине, в итоге приезжает через час из-за пробок, везде опаздывает, злится, дышит в пробках выхлопами... Ну и вот – нет худа без добра. Плюс – «удалёнка». Когда во время пандемии большинство учреждений перешло на удалённую работу, поначалу это казалось нереальным. А потом выяснилось, что большая часть сотрудников куда продуктивнее работает из дому. Не в душном офисе среди сотни таких же бедолаг, а дома, с чашкой кофе и котом на коленках.

Джанлуиджи посмотрел на проплывающую внизу Москву. Город буквально утопал в зелени, на огромной клумбе алела высаженная из цветов цифра «80». Восемьдесят лет победы русских во Второй мировой войне. Будут отмечать

через год. Победы в том числе и над ними, над итальянцами...

– А как же производство, господин Рославлев? – поинтересовался он. – Заводы, фабрики?

– В самой Москве их совсем мало. Ну и на заводах и фабриках полно тех, кто не стоит у станка. Бухгалтерии, разработчики, плановики, руководство... Нет, перестраивались не все и долго. Кто-то не смог, естественно... А так – у меня супруга инженер департамента технической поддержки в нефтегазовой сфере. Сидит дома, трудится. Вы, к слову, женаты, синьор Бернарделли?

– Нет, – сказал итальянец.

– Может, кого и присмотрим вам, у нас девушек красивых в избытке, – пошутил Рославлев. – Так вот, переход на «удалёнку» тоже снизил количество ненужных поездок туда-сюда, проблем с парковками. Резкое снижение траффика очистило воздух в городе. Вот раньше, особенно если бы мы летели повыше, над Москвой всё время дымка висела. Смог. Иной раз пару недель солнышка не видно.

– Но почему мы всё-таки именно летим? – напомнил Джанлуиджи. – Пробок нет.

– Ну, на вертолёте в любом случае всё-таки быстрее. И Москву с воздуха можно посмотреть. Интересно ведь, правда?

– Интересно, – признался итальянец.

– Дальше будет ещё интереснее, – пообещал Рославлев и

спохватился:

– Что же это я, как чёрт нерусский... Встретил, называется, дорогого гостя...

Он полез в портативный холодильник и добыл оттуда запотевшую бутылку водки, бутерброды с икрой и нарезанный сыр. Невзирая на деланные стоны и взгляды Джанлуиджи, налил водку в рюмки и сказал тост:

– Ну, за дезинфекцию!

Итальянец выпил, поспешно закусив толстым ломтём белого сыра. Это была моцарелла, причём хорошая.

– Вкусно? – поинтересовался Рославлев с довольно хитрым видом.

– Великолепно! Хорошо, что вы отменили свои контрсанкции.

– Контрсанкции, как вы понимаете, за фактическим отсутствием Евросоюза стали не нужны. Но этот сыр произведён в городе Туле.

Джанлуиджи недоверчиво повертел в руках кусочек сыра.

– А этот пармезан – подмосковный.

Итальянец осторожно попробовал пармезан. Пармезан был как пармезан, ничуть не хуже, чем из Реджо-нель-Эмилии.

– За санкции и контрсанкции мы вообще должны вам спасибо сказать, синьор Бернарделли. Если бы не они, мы многое не научились бы делать сами. В начало пандемии мы вошли такими же расслабленными, как и большинство евро-

пейских государств. Вы ведь, если не ошибаюсь, из Бергамо?
– Да, – кивнул Джанлуиджи, дожёвывая тульский пармезан. – Из Бергамо...

* * *

Город был мрачен. По улице двигалась колонна армейских грузовиков, испятнанных камуфляжем. Солдаты везли гробы на кремацию в Модену и Болонью, чтобы затем вернуть родственникам покойных урны с прахом. Местные крематории не справлялись...

Джанлуиджи только что вышел с онлайн-конференции, на которой мэр Бергамо говорил: «Нам выпала участь стать первой в Европе страной, принявшей на себя удар эпидемии. И тем, у кого есть ещё несколько дней или недель в запасе, поскольку эпидемия в их странах запаздывает, я очень советую использовать эти дни с пользой для здоровья их собственных граждан, осуществлять предупредительные меры, не дожидаясь, пока эпидемия начнётся».

В больницах врачи вынуждены были выбирать, кого подключать к немногочисленным аппаратам ИВЛ, а кого оставить умирать.

– «Иные кончались прямо на улице, кто – днем, кто – ночью, большинство же хотя и умирало дома, однако соседи узнавали об их кончине только по запаху, который исходил от их разлагавшихся трупов. Весь город полон был мертве-

цов»¹

Франческа подошла неслышно и стояла рядом, глядя на рокочущие грузовики с трусами.

– «Декамерон», – журналист повернулся и обнял девушку. Та испуганно отстранилась.

– Дистанция...

– Дистанция, – согласился Джанлуиджи. – А вот Алесандро считает, что коронавирус – фикция. Заговор с целью контроля над населением планеты.

– А грузовики везут манекены.

– Слишком много странного, Франческа. Почему в Китае всё уже заканчивается? Почему в огромной России, которая, кстати, с Китаем граничит, пандемии нет? Почему в Штатах достаточно спокойно?

– Сейчас ты договоришься до того, что китайцы совместно с Путиным и Трампом решили заполучить таким образом мировое господство.

Франческа нервно рассмеялась. Проходившая по противоположной стороне улицы пожилая дама посмотрела на них с отвращением.

– Русские, между прочим, прислали нам помощь. Пятнадцать очень больших самолётов. Русские, Джанлуиджи, а не твои дражайшие немцы или британцы. Немцы прислали нам только вирус – говорят, он попал в Бергамо из Франкфурта через транспортный аэропорт.

¹ Боккаччо, «Декамерон». Пер. Н.М.Любимова.

– Евросоюз просто оказался не готов к такому, – пожал плечами журналист. – Многие годы спокойной и счастливой жизни...

Франческа отвернулась и сердито сказала:

– Премьер Конте прав – эта никчемная структура развалится, если, конечно, мы вообще выживем.

– Нас же спасут русские, – съехидничал Джанлуиджи. – Что там они привезли? Кучу ненужного барахла и три десятка офицеров в масках, чтобы шпионить за НАТО? Теперь мы точно не пропадём.

– Это военные вирусологи, дурак. А твоя La Stampa лизала задницу Муссолини, а сейчас лижет Евросоюзу. Муссолини притом хотя бы что-то умел, в отличие от этой кучки неудачников.

– Так, мы будем ссориться, или пойдём перекусим? Кафе закрыты, но у меня дома полный холодильник, есть вино...

– Я не хочу есть, – Франческа покачала головой и неожиданно закашлялась.

Журналист машинально сделал шаг назад.

* * *

– Я говорю, мы уже прилетели! – крикнул Рославлев, трясся итальянца за плечо.

– Простите, задумался.

Джанлуиджи увидел, что «робинсон» заходит на посадку.

Внизу появилась яркая оранжевая посадочная площадка, а в стороне среди сосен прятались небольшие разноцветные коттеджи, с виду новенькие.

Пилот дождался, пока винты замедлят своё движение, и сказал:

– Прибыли, можно выходить.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил журналист. За время недолгого полёта его немного укачало, и Рославлев поддержал его за локоть, помогая выбраться из вертолёта.

Их встречали трое – молодой бородатый мужчина в шортах и футболке, седенький старичок в костюме и средних лет толстяк, обильно потевший и утиравший лысину белым платочком. Неподалёку стоял русский джип, высокий и тёмно-серый, с раскинувшей крылья птичкой-шильдиком на радиаторе. Такой джип Джанлуиджи видел в сериале Соррентино про Папу, Папа на нём ездил.

Рославлев представил итальянца («наш друг из Италии, журналист газеты «Стампа», синьор Джанлуиджи Бернарделли»), последовали рукопожатия и приглашение к столу. О безудержном и даже ужасающем гостеприимстве русских Джанлуиджи знал. Он вообще многое узнал, чтобы попасть в полузакрытую после пандемии Россию – начиная с языка, который в своё время удачно выбрал в университете. Собственно, в самую Россию попасть оказалось куда проще, чем получить разрешение на выезд из Италии. Хотя что уж там,

передвигаться даже между европейскими странами, как вышедшими из Евросоюза, так и оставшимися в его руинах, было куда как сложно. Та же Швеция до сих пор была закрыта наглухо. Что происходит в Белоруссии, не знал толком вообще никто, хотя тамошний футбольный чемпионат по-прежнему показывали по телевизору, и даже на трибунах кое-где сидели одинокие болельщики в масках.

За богато накрытым столом Джанлуиджи объяснили, что посёлок этот новый, в Подмоскovie таких образовалось много после того, как жители Москвы стали перебираться из мегаполиса «на свежий воздух, хе-хе», как сказал старичок по фамилии Данилов.

– Работаем по удалёнке, – объяснял бородач Коля. – Интернет 6G, скоро будет семёрка... Многие фермерством занялись, огородничают.

– Пандемия отсекала целый ряд ненужных бизнесов, – добавил Рославлев, наливая журналисту красное вино.

– У меня была сеть барбершопов, – сказал Коля. – Еле сводил концы с концами, и то приходилось мудрить с налогами.

– А теперь?

– Теперь у меня теплицы. Вот, огурчики пробуйте.

– А я себе машинку для стрижки купил, – добавил толстяк Зайцев и с улыбкой похлопал себя по лысине. – Жена стрижёт, бесплатно.

– Оцените вино, – Рославлев подвинул бокал. – Наше,

крымское!

Вино и в самом деле оказалось выше всяких похвал, как и огурчики бородатого Коли, и сыр, и многое другое. Санкции и контрсанкции и впрямь пошли русским на пользу, подумал Джанлуиджи, который захмелел и объелся. Русские вошли в его положение и повели на прогулку.

Журналист шёл по улочке со свежим асфальтом и вспоминал Рим, из которого вылетел в Шереметьево. Давным-давно отключенный и пересохший фонтан Треви, в котором спали укутавшиеся в тряпье арабы. Аэропорт Фьюмичино с так и не достроенным новым международным пирсом С. Унылых карабинеров у терминала, чьи лица по-прежнему были скрыты за пластиковыми забралами, хотя пандемию официально признали закончившейся.

– Мы почти стопроцентно перешли на безличный расчёт, но если вам нужно вдруг поменять евро на рубли, вот отделение банка, – показывал тем временем Рославлев.

– У нас полгода как снова лиры, – напомнил итальянец. Рославлев всплеснул руками:

– Ох ты, надо же, в самом деле, забыл...

Они остановились у синего здания банка. Рядом на лавочке сидела старуха и читала что-то на планшете.

– Иван Данилович, спасибо вам за экскурсию, угощение и прочее. У меня редакционное задание, которое предполагает не только знакомство с новыми реалиями Москвы и Подмосковья. Дело в том, что я хотел бы найти господина Ищен-

ко. Это военный медик, который в своё время прилетал к нам в Бергамо. По моим сведениям, он живёт здесь...

– Сейчас узнаем, – пообещал Рославлев, но его перебила старуха с планшетом.

– Не надо ничего узнавать, – деловито заявила она, поднимаясь с лавочки. – Саша Ищенко рядом со мной живёт, я вас отведу.

Рославлев вверил журналиста заботам старухи, которую звали Лилия Сергеевна. Трудилась она редактором литературного издательства и оказалась весьма говорливой. За недолгий путь старуха рассказала обо всех новостях посёлка за последние недели три, описала попавшиеся местные достопримечательности (церковь и памятник врачам на площади Врачей же), а также поведала об Ищенко, который теперь не военный медик, а вовсе гражданский, такой прекрасный молодой человек, хозяйственный, начитанный, и жена у него просто загляденье, дай Бог каждому такую.

– А как её зовут? – спросил тоскливо итальянец, но отвечать Лилии Сергеевне не пришлось, потому что он и сам увидел.

Франческа стояла в небольшом садике у двухэтажного коттеджа и поливала альпийскую горку.

* * *

– Где ты сейчас?! – кричал в трубку Джанлуиджи, стоя на

балконе.

Моросил дождь, где-то пели такие же, как он, запертые на своих балконах горожане. Наверное, предполагалось, что это должно выглядеть примером единения перед лицом смерти, но на расстоянии напоминало плач по покойнику.

– Я в полевом госпитале. У меня Ковид, тест уже сделан, всё подтвердилось.

– Что говорят врачи?!

– Русский врач сказал, что всё будет хорошо. Меня подключат к аппарату ИВЛ, делают уколы...

– Почему русский? Тебя должен осмотреть наш врач, кто там главный – синьор Коливьеро? Сейчас я позвоню ему, и...

– Не нужно никому звонить, – жёстко сказала Франческа. Её голос звучал слабо и хрипло, на заднем фоне что-то звякало, потом жалобно вскрикнул человек.

– Не нужно никому звонить, – повторила девушка. – Меня осмотрел русский врач. Не шпион, а отличный специалист. Его фамилия очень трудная, Ищенко.

– Это украинская фамилия, – зачем-то брякнул журналист, но Франческа его, кажется, не слушала.

– Я позвоню сама, – сказала она и отключилась.

Дождь продолжал моросить. Где-то продолжали петь.

Журналист ушёл с балкона, поплотнее закрыв за собой дверь, сел за стол и на вспыхнувшем экране ноутбука прочёл: «Жертвы коронавируса в Нью-Йорке придётся временно хоронить в городских парках. Такой выход из ситуации предло-

жил влиятельный член законодательного собрания мегаполиса Марк Левин. Мэр города Билл де Блазио также подтвердил, что могут понадобиться «временные» захоронения».

* * *

Лилия Сергеевна деликатно удалилась.

Итальянец подошёл к резному заборчику и сказал по-русски:

– Привет.

– Привет, – ответила Франческа и перешла на итальянский. – Зачем ты приехал?

– Работа, – развёл руками Джанлуиджи. – Редакционное задание.

– Ты приехал специально. Нашёл меня. Хотел посмотреть, как я страдаю в бедной стране с тоталитарным режимом?

– Ну отчего же. Такая благодать. Огурчики, экология.

– Не можешь удержаться от ехидства?

– Не могу. Скажи честно, Франческа – ты в него на самом деле влюбилась? Или уехала с ним из чувства благодарности? Или, может быть, чувства противоречия? Назло мне?

Франческа аккуратно поставила пластмассовую красную лейку на траву. Во все стороны брызнули мелкие кузнечики.

– Сначала я едва не умерла. А потом, когда очнулась и смотрела новости на смартфоне, поняла слишком многое.

Девушка помолчала.

– Видишь ли, дорогой... Когда всё прогрессивное человечество встаёт на защиту какого-нибудь трансвестита, который желает ходить вместо мужской раздевалки в университете в женскую. Когда оно изо всех бьётся за право кого-то отрезать себе член или напротив, пришить. Когда фактически требует признать право приезжего с Ближнего Востока насилловать девочек, потому что у них дома это национальная традиция, и не сажать его в тюрьму, а ласково погрозить пальцем. Я всё это могу понять, но не могу принять. Но черт с ним, с этим можно как-то жить – как жили много лет, цитирую тебя, «сыто и счастливо». И эта ваша сумасшедшая Грета, с которой вы все носились... Кстати, что с ней?

– В психушке, – нехотя произнёс Джанлуиджи.

– Жаль девочку, но это вы её создали и довели до сумасшествия. Вы привыкли биться с невидимым и безопасным. Привыкли потрясать радужными знамёнами во имя чего-то нелепого и ненужного нормальному человеку. А когда в самом деле случилась беда, что произошло? Всё посыпалось, дорогой. Всё рухнуло. А Саша сказал мне – летим со мной. Он нарушил всё, что мог, когда спрятал меня в транспортном самолёте, и это, конечно же, вскрылось. Его уволили из армии, но мне разрешили остаться. И если ты приехал уговорить меня вернуться – то напрасно.

– Я приехал просто посмотреть, Франческа.

– Посмотрел? Так езжай обратно и напиши всё, как есть. Что в России всё тоже было очень непросто, особенно на пи-

ковом этапе пандемии. Что здесь хватало идиотов, которые кричали, что их свобода гулять во время карантина неприкосновенна, как и жарить в парке барбекю. И что происходит здесь сейчас. Русские тоже падали в пропасть, но сейчас они уже сидят на её краю, свесив ноги, и отдыхают. А вы ещё даже не упали на дно.

– Я тебя понял, – кивнул журналист. – С мужем знакомить не будешь?

– Он в поликлинике. На приёме. После пандемии осталось много людей с последствиями пневмоний – фиброз и прочее... Но если ты хочешь...

– Нет, – сказал Джанлуиджи. – Не хочу.

Вечером он напился в предоставленном ему коттедже у самого леса. На следующий день его возили по окрестностям, показывая поля, комбайны, солнечные электростанции, филиал научного центра. А ещё через день Джанлуиджи улетел обратно в Бергамо.

* * *

Он снова стоял на балконе.

Дождь не моросил, никто не пел. В мусорном баке внизу в тщетных поисках пропитания рылся тощий полосатый кот. Коты выжили, их вирус не брал, в отличие от людей... Журналист посмотрел на чёрные пустые окна трёхэтажного дома напротив. На безлюдную улицу.

Вернулся за стол и начал набирать на клавиатуре начало статьи для La Stampa: «Последствия пандемии коронавируса COVID-19 оказались для России поистине трагическими – что и следовало ожидать для страны-изгоя...».